

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Напрасно вы въ пѣни пайлись
Для мирныхъ, счастливыхъ друзей,
Спихи мои! Вы не сокрылись
Отъ гнѣвныхъ зависти очей.
Ужъ блѣдный крипикъ, ей въ услугу,
Вопросъ мнѣ сдѣлалъ роковой:
Зачѣмъ Русланову подругу,
Какъ бы на смѣхъ ея супругу,
Зову и дѣвой и княжной?
Ты видишь, добрый мой чипашель,
Тупъ злобы черную печать!
Скажи, Зоиль, скажи, предапель,
Ну какъ и что мнѣ отвѣчать?
Краснѣй, несчастный, Богъ съ тобою!
Краснѣй, я спорить не хочу;
Довольный пѣмъ, что правъ душою,
Въ смиренной крошеспи молчу.

Но ты поймешь меня, Климена,
 Попуишь помные глаза
 Ты, жертва скучнаго Гимена...
 Я вижу: пайная слеза
 Падеть на спихъ мой, сердцу вяпный;
 Ты покраснѣла, взоръ погасъ;
 Вздохнула, молча... вздохъ поняпный!
 Ревнивецъ: бойся, близокъ часъ;
 Амуръ съ Досадою своенравной
 Вступили въ смѣлый заговоръ,
 И для главы швоей безславной
 Гошовъ ужъ мспипельный уборъ.

Ужъ упрю хладное сіяло
 На шемени полнощныхъ горъ;
 Но въ дивномъ замкѣ все молчало.
 Въ досадѣ скрыпой Черноморъ,
 Безъ шапки въ упреннемъ халатѣ,
 Зѣваль сердишо на кровати.
 Вокругъ брады его сѣдой
 Рабы толпились молчаливы,
 И нѣжно гребень коспяной

Расчесываль ея извивы;
Межь тѣмъ, для пользы и красы,
На безконечные усы
Лились воспочны ароматы,
И кудри хитрыя вились;
Какъ вдругъ, откуда ни возмись,
Въ окно влепаеть змій крылатый:
Гремя желѣзной чешуёй,
Онъ въ кольца быстрыя согнулся,
И вдругъ Наинной обернулся
Предъ изумленною полпой.
«Привѣстствую тебя, сказала,
Собрапъ, издавна чпимый мной!
Досель я Черномора знала
Одною громкою молвой;
Но шайный рокъ соединяеть
Теперь насъ общею враждой;
Тебѣ опасность угрожаеть,
Нависла пуча надъ побой;
И голосъ оскорбленной чеспи
Меня къ опмщенію зоветь.»

**

Со взоромъ, полнымъ хипрой лести,
 Ей карла руку подаетъ,
 Вѣщая: « дивная Наина!
 Мнѣ драгоценъ пвой союзъ.
 Мы посрамимъ коварство Фина;
 Но мрачныхъ козней не боюсь:
 Противникъ слабый мнѣ не страшень;
 Узнай чудесный жребій мой:
 Сей благодатной бородой
 Недаромъ Черноморъ украшень.
 Доколь власовъ ея сѣдыхъ
 Враждебный мечъ не перерубишь,
 Никпо изъ выпязей лихихъ,
 Никпо изъ смерпныхъ не погубишь
 Малѣйшихъ замысловъ моихъ;
 Моею будешь вѣкъ Людмила,
 Русланъ же гробу обречёнъ! »
 И мрачно вѣдма повпорила:
 « Погибнешъ онъ! погибнешъ онъ! »
 Попомъ при раза прошипѣла;
 Три раза топнула ногой,
 И чернымъ зміемъ улелѣла.

Блистая въ ризѣ парчевой,
Колдунъ, колдуньей ободренной,
Развеселясь, рѣшился вновь
Неспи къ ногамъ дѣвицы плѣнной.
Усы, покорность и любовь.
Разряженъ карликъ бородастый,
Опяшь идесть въ ея палаты;
Проходяишь длинный комнасть рядъ:
Княжны въ нихъ нѣтъ. Онъ далѣ, въ садъ,
Въ лавровый лѣсъ, къ рѣшешкѣ сада,
Вдоль озера, вокругъ водопада,
Подъ моспики, въ бесѣдки... нѣтъ!
Княжна ушла, пропаль и слѣдъ!
Кпо выразишь его смущенье,
И ревъ, и шрепешъ изсмупленья?
Съ досады дня не взвидѣль онъ.
Раздался карлы дикій спонъ:
« Сюда, невольники, бѣгите!
Сюда, надѣюсь я на васъ!
Сей часъ Людмилу мнѣ сыщите!
Скорѣе, слышите ль? сей часъ!

Не по — шупише вы со мною —
Всѣхъ удавлю вась бородою! »

Чипапель, расскажу ль тебѣ
Куда красавица дѣвалась?
Всю ночь она своей судьбѣ
Въ слезахъ дивилась и — смѣялась.
Ее пугала борода,
Но Черноморь ужь былъ извѣспенъ,
И былъ смѣшонъ, а никогда
Со смѣхомъ ужась несовмѣспенъ.
Навспрѣчу упреннимъ лучамъ
Поспелъ оставила Людмила,
И взоръ невольный обратила
Къ высокимъ, чистымъ зеркаламъ;
Невольно кудри золотые
Съ лилейныхъ плечъ приподняла;
Невольно волосы густые
Рукой небрежной заплела;
Свои вчерашніе наряды
Нечаянно въ углу нашла;
Вздохнувъ, одѣлась и съ досады

Тихонько плакашь начала;
 Однако съ вѣрнаго спекла
 Вдыхая не сводила взора,
 И дѣвицѣ пришло на умъ,
 Въ волненьи своенравныхъ думъ,
 Примѣряшь шапку Черномора.
 Все пихо, никого здѣсь нѣтъ;
 Никпо на дѣвушку не взглянешь...
 А дѣвушкѣ въ семнадцать лѣтъ
 Какая шапка не приспанешь!
 Рядисься никогда не лѣнь:
 Людмила шапкой завершѣла;
 На брови, прямо, на бекрень,
 И задомъ напередъ надѣла.
 И что жъ? о чудо старыхъ дней!
 Людмила въ зеркаль пропала;
 Перевернула — передъ ней
 Людмила прежняя предспала;
 Назадъ надѣла — снова нѣтъ;
 Сняла — и въ зеркаль! « Прекрасно!
 Добро, колдунъ, добро мой свѣтъ!
 Теперь мнѣ здѣсь ужъ безопасно;

Теперь избавлюсь отъ хлопотъ! »
 И шапку спараго злодѣя
 Княжна, отъ радости краснѣя,
 Надѣла задомъ наперѣдъ.

Но возвратимся же къ герою.
 Не спыдно ль занимать намъ
 Такъ долго шапкой, бороною,
 Руслана поруча судьбамъ?
 Свершивъ съ Рогдаемъ бой жестокой,
 Проѣхалъ онъ дремучій лѣсъ;
 Предъ нимъ открылся доль широкій,
 При блескѣ упренныхъ небесъ.
 Трепещеть выпязь по неволѣ:
 Онъ видитъ спарой битвы поле.
 Вдали все пусто; здѣсь и шамъ
 Желтѣющъ коспи; по холмамъ
 Разбросаны колчаны, лапы;
 Гдѣ збуру, гдѣ заржавый щипъ;
 Въ коспяхъ руки здѣсь мечъ лежатъ;
 Травой обросъ шамъ шлемъ космашный
 И спарый черепъ плѣшетъ въ немъ;

Богатыря памъ оспавъ цѣлый
 Съ его поверженнымъ конемъ
 Лежишь недвижный; копыа, стрѣлы
 Въ сырую землю вонзены,
 И мирный плющъ ихъ обвиваетъ...
 Ничто безмолвной пишины
 Пустыни сей не возмущаетъ,
 И солнце съ ясной вышины
 Долину смерпи озаряетъ.

Со вздохомъ выпязь вокругъ себя
 Взираешь грустными очами.
 « О поле, поле, кто тебя
 Усыялъ мершвыми косями?
 Чей борзый конь тебя топмалъ
 Въ послѣдній часъ кровавой битвы?
 Кто на тебѣ со славой палъ?
 Чьи небо слышало молишвы?
 Зачѣмъ же, поле, смолкло ты
 И поросло правой забвенья?...
 Время опъ вѣчной шемнопы,
 Бышь можешъ, нѣтъ и мнѣ спасенья!

Бышь можешъ, на холмѣ нѣмомъ
Поспавяпъ пихій гробъ Руслановъ,
И спруны громкія Баяновъ
Не будупъ говоришь о нѣмъ!»

Но вскорѣ вспомнилъ выпязь мой,
Чшо добрый мечъ герою нужень
И даже панцырь; а герой
Съ послѣдней бипвы безоружень.
Обходитъ поле онъ вокругъ;
Въ кустахъ, среди коспей забвенныхъ,
Въ громадѣ плѣющихъ кольчугъ,
Мечей и шлемовъ раздробленныхъ
Себѣ доспѣховъ ищепъ онъ.
Проснулись гуль и снень нѣмая,
Поднялся въ полѣ шрескъ и звонъ;
Онъ поднялъ щипъ, не выбирая,
Нашель и шлемъ и звонкій рогъ;
Но лишь меча сыскапъ не могъ.
Долину брани объѣзжая,
Онъ видипъ множесиво мечей,
Но всѣ легки, да слишкомъ малы,

А князь красавецъ былъ не вялый,
Не то, что виписъ нашихъ дней.
Чтобъ чѣмъ нибудь играшь отъ скуки,
Копье спальное взялъ онъ въ руки,
Кольчугу онъ надѣлъ на грудь,
И далѣе пустился въ пупь.

Ужь поблѣднѣлъ закапъ румяный
Надъ усыпленную землѣй;
Дымяпся синіе туманы
И всходишь мѣсяцъ золопой;
Померкла спель. Тропою шѣмной
Задумчивъ ѣдетъ нашъ Русланъ,
И видишь: сквозь ночной шуманъ
Вдали чернѣеть холмъ огромной
И что-то спрашное хранишь.
Онъ ближе къ холму, ближе — слышишь:
Чудесный холмъ какъ будто дыщишь.
Русланъ внимаешь и глядишь
Безпрепечно, съ покойнымъ духомъ;
Но, шевеля пугливымъ ухомъ,
Конь упирается, дрожишь,

Трясепть упрямой головою,
И грива дыбомъ поднялась.
Вдругъ холмъ, безоблачной луною
Въ шуманѣ блѣдно озарясь,
Яснѣепть; смоприпть храбрый князь —
И чудо видипть предъ собою.
Найду ли краски и слова?
Предъ нимъ живая голова.
Огромны очи сномъ объяпы;
Храпипть, качая шлемъ пернапый,
И перья въ пемной высопть,
Какъ пѣни, ходяпть, развѣваясь.
Въ своей ужасной красопть
Надъ мрачной степью возвышаясь,
Безмолвиемъ окружена,
Пуспыни спорожъ безымянной,
Руслану предспоипть она
Громадой грозной и шуманной.
Въ недоумѣнни хочепть онъ
Таинспвенный разрушипть сонъ.
Вблизи осмапривая диво,
Объѣхаль голову кругомъ,

И спаль предъ носомъ молчаливо;
Щекопишь ноздри копиёмъ,
И, сморщась, голова зѣвнула,
Глаза открыла и чихнула...
Поднялся вихорь, спесь дрогнула,
Взвилася пыль; съ рѣсницъ, съ усовъ,
Съ бровей слепѣла спая совь;
Проснулись рожи молчаливы,
Чихнуло эхо — конь решивый
Заржалъ, запрыгаль, оплелѣль,
Едва самъ випязь усидѣль,
И вслѣдъ раздался голосъ шумный:
« Куда ты, випязь неразумный?
Спупай назадъ; я не шучу!
Какъ разъ нахала проглочу! »
Русланъ съ презрѣньемъ оглянулся,
Браздами удержаль коня,
И съ гордымъ видомъ усмѣхнулся.
« Чего ты хочешь опъ меня?
Нахмурясь, голова вскричала.
« Вопъ госпя мнѣ судьба послала!
« Послушай, убирайся прочь!

« Я спать хочу, теперь ужь ночь,
« Прощай! » Но выпязь знаменипой,
Услыша грубыя слова,
Воскликнулъ съ важностью сердитой:
— Молчи, пуская голова!
Слыхаль я испину бывало:
Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало!
Я ъду, ъду, не свищу,
А какъ наъду, не спущу! —

Тогда, опъ яроспи нѣмѣя,
Спѣсенной злобой пламенѣя,
Надулась голова; какъ жарь,
Кровавы очи засверкали;
Напѣнясь, губы задрожали;
Изъ успѣ, ушей поднялся парь —
И вдругъ она, чпо было мочи,
Навспрѣчу князю спала душъ;
Напрасно конь, зажмурия очи,
Склонивъ главу, напужа грудь,
Сквозь вихорь, дождь и сумракъ ночи
Невѣрный продолжаепъ пущь;

Обьяпый спрахомъ, ослѣпленный,
 Онъ мчится вновь, изнеможенный,
 Далече въ полъ ондохнуть.
 Вновь обратишься випись хочеть —
 Вновь опраженъ, надежды нѣтъ!
 А голова ему вослѣдъ,
 Какъ сумасшедшая, хохочеть,
 Гремить: « ай, випись! ай, герой!
 « Куда ты? пише, пише, стой!
 « Эй, випись, шею сломишь даромъ;
 « Не прусь, наѣздникъ, и меня
 « Порадуй хоть однимъ ударомъ,
 « Пока не заморилъ коня. »
 И между тѣмъ она героя
 Дразнила спрашнымъ языкомъ.
 Русланъ, досаду въ сердцея кроя,
 Грозить ей молча колѣмъ,
 Трясаетъ его рукой свободной,
 И, задрожавъ, булавъ холодной
 Вонзился въ дерзоспный языкъ.
 И кровь изъ бѣшената зѣва
 Рѣкою побѣжала вмигъ.

Опть удивленья , боля , гнѣва ,
Въ минушу дерзоспи лишась ,
На князя голова глядѣла ,
Желѣзо грызла и блѣднѣла .
Въ спокойномъ духѣ горячась ,
Такъ иногда средь нашей сцены
Плохой пипомецъ Мельпомены ,
Внезапнымъ свиспюмъ оглушѣнь ,
Ужъ ничего не видипть онъ ,
Блѣднѣепть , ролю забываетъ ,
Дрожипть , поникнувъ головой ,
И заикаясь умолкаетъ
Передъ насмѣшливой шолпой .
Счастливымъ пользуясь мгновеньемъ ,
Къ объяпой головѣ смущеньемъ ,
Какъ яспребъ , богатырь лепипть
Съ подьяпой , грозною десницей ,
И въ щеку птяжкой рукавицей
Съ размаха голову разипть ;
И спеть ударомъ огласилась ;
Кругомъ росистая справа
Кривавой пѣной обагрилась ,

И, зашапавшись, голова
Перевернулась, покапилась,
И шлемъ чугунный застучалъ.
Тогда на мѣспѣ опустѣломъ
Мечъ богатырскій засверкалъ.
Нашъ випязь въ препенѣ веселомъ
Его схватилъ, и къ головѣ
По окровавленной правѣ
Бѣжилъ съ намбреньемъ жестокимъ
Ей носъ и уши обрубилъ;
Уже Русланъ головъ разилъ,
Уже взмахнулъ мечемъ широкимъ —
Вдругъ, изумленный, внемлетъ онъ
Главы молящей жалкій спонь...
И тихо мечъ онъ опускаетъ,
Въ немъ гнѣвъ свирѣлый умираетъ,
И мщенье бурное падетъ
Въ душѣ, моленьемъ усмиреной:
Такъ на долину шаетъ ледъ,
Лучемъ полудня пораженной.

« Ты вразумилъ меня, герой,
Со вздохомъ голова сказала:
Твоя десница доказала,
Что я виновенъ предъ побой;
Опнынъ я шебъ послушенъ;
Но, випязь, будь великодушень!
Достоинъ плача жребій мой.
И я былъ випязь удалой!
Въ кровавыхъ бипвахъ супосстапа
Себъ я равнаго не зрълъ;
Счастливь, когда бы не имълъ
Соперникомъ меньшаго брата!
Коварный, злобный Черноморь,
Ты, пы всѣхъ бѣдъ моихъ виною!
Семейспва нашего позоръ,
Рожденный карлой, съ бородою,
Мой дивный роспъ опъ юныхъ дней
Не могъ онъ безъ досады видѣпъ,
И спаль за по въ душъ своей
Меня, жестокій, ненавидѣпъ.
Я былъ всегда немного простъ,
Хопя высокъ; а сей несчастной,

Имѣя самый глупый ростъ,
Умень какъ бѣсъ — и золь ужасно.
Припомъ же, знай, къ моей бѣдѣ,
Въ его чудесной бородѣ
Таишся сила роковая,
И, все на свѣпѣ презирая —
Доколѣ борода цѣла —
Измѣнникъ не спрашивается зла.
Вопъ онъ однажды съ видомъ дружбы,
Послушай, хипро мнѣ сказалъ,
Не опкажись опъ важной службы:
Я въ черныхъ книгахъ опыскалъ,
Чпо за воспочными горами
На пихихъ моря берегахъ,
Въ глухомъ подвалѣ, подъ замками
Хранишся мечъ — и чпо же? спрахъ!
Я разобралъ во пмѣ волшебной,
Чпо волею судьбы враждебной
Сей мечъ извѣсненъ будешъ намъ;
Чпо насъ онъ обоихъ погубишь:
Мнѣ бороду мою опрубишь,
Тебѣ главу; суди же самъ,

**

Сколь важно намъ пріобрѣшенье
Сего созданья злыхъ духовъ!
« Ну, что же? гдѣ пущь запрудненье?
Сказаль я карлъ, я гошовъ;
Иду, хопь за предѣлы свѣта. »
И сосну на плечо взвалиль,
А на другое для совѣта
Злодѣя брата посадиль;
Пуснился въ дальнюю дорогу,
Шагаль, шагаль и, слава Богу,
Какъ бы пророчеству на зло,
Все счастливо сначала шло.
За опдаленными горами
Нашли мы роковой подваль;
Я размепаль его руками,
И попаенный мечь доспаль.
Но нѣтъ! судьба шого хопѣла:
Межь нами ссора закипѣла —
И было, признаюсь, о чемъ!
Вопрось: кому владѣть мечемъ?
Я спориль, карла горячился;
Бранились долго; наконецъ

Уловку выдумалъ хипрецъ,
Припихъ и будпо бы смягчился.
— Оспавимъ бесполезный споръ,
Сказаль мнѣ важно Черноморъ:
Мы пѣмъ союзъ нашъ обезславимъ;
Разсудокъ въ мирѣ жишь велишь;
Судьбѣ рѣшишь мы предоспавимъ,
Кому сей мечъ принадлежишь.
Къ землѣ приникнемъ ухомъ оба
(Чего не выдумаешь злоба!),
И кпо услышишь первый звонъ
Топъ и владѣй мечемъ до гроба. —
Сказаль и легъ на землю онъ.
Я сдуру также распянулся;
Лежу, не слышу ничего,
Смѣкая: обману его!
Но самъ жеспоко обманулся.
Злодѣй въ глубокой пишинѣ,
Привспавъ, на цыпочкахъ ко мнѣ
Подкрался сзади, размахнулся;
Какъ вихоръ свиснулъ оспрый мечъ,
И прежде, чѣмъ я оглянулся,

Ужь голова слепѣла съ плечь —
И сверхъестественная сила
Въ ней жизни духъ остановила.
Мой оставь пернѣемъ обрось;
Вдали, въ странѣ, людьми забвенной,
Исплѣлъ мой прахъ непогребенной;
Но злобный карла перенёсь
Меня въ сей край уединенной,
Гдѣ вѣчно долженъ былъ сперечь
Тобой сегодня взяпый мечь.
Возми его, и Богъ съ побою!
Бышь можешь, на своемъ пупи
Ты карла-чародѣя вспрѣпишь —
Ахъ, если пы его замѣпишь;
Коварству, злобѣ опомспи!
И наконецъ я счастливъ буду,
Спокойно мѣръ оставлю сей —
И въ благодарности моей
Твою пощечину забуду.»